

Mary Aiken

THE CYBER EFFECT:

An Expert in Cyberpsychology
Explains How Technology Is Shaping
Our Children, Our Behavior,
and Our Values-and What We
Can Do About It

Мери Айкен

ДЯДЯ ИЗ ИНТЕРНЕТА ЛЮБИТ МЕНЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЫ

Как защитить ребенка
от опасностей интернета

БОМБОРА™

Москва 2020

УДК 004.7
ББК 32.973.202
А36

Mary Aiken
THE CYBER EFFECT: A PIONEERING CYBERPSYCHOLOGIST
EXPLAINS HOW HUMAN BEHAVIOR CHANGES ONLINE

В оформлении обложки использованы фотографии:
Kuttelvaserova Stuchelova, evrymmnt / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com
Во внутреннем оформлении использованы элементы дизайна:
phochi, Artishok, s_maria / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Айкен, Мери.
А36 Дядя из интернета любит меня больше, чем ты. Как защитить ребенка от опасностей интернета / Мери Айкен ; [перевод с английского Е. Деревянко]. – Москва : Эксмо, 2020. – 400 с. – (Top Business Awards).

ISBN 978-5-04-102310-2

Интернет скрывает больше опасностей, чем мы можем себе представить.
Как защитить ребенка от Сети?
Из этой книги вы узнаете, как вовремя распознать угрозу, предотвратить несчастные случаи, обезопасить личные данные, избавиться от интернет-зависимости и контролировать деятельность ребенка в Интернете.

УДК 004.7
ББК 32.973.202

ISBN 978-5-04-102310-2

© Copyright 2016 by Mary Aiken
© All rights reserved.
© Деревянко Е., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается П.Л.К. и Дж.

Дети – самый ценный ресурс
этого мира и его главная надежда на будущее.
– *Джон Ф. Кеннеди*

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Пролог</i>	
Столкновение человека и технологий	9
<i>Глава 1</i>	
Нормализация фетиша	28
<i>Глава 2</i>	
Цель: создавать зависимость	56
<i>Глава 3</i>	
Кибермладенцы	101
<i>Глава 4</i>	
Франкенштейн и девочка	136
<i>Глава 5</i>	
Подростки, обезьяны и зеркала	187
<i>Глава 6</i>	
Киберроманы	232
<i>Глава 7</i>	
Киберхондрия и практически здоровые	261
<i>Глава 8</i>	
Что скрыто под поверхностью: глубокая сеть	293
<i>Глава 9</i>	
Кибертерритория	333
ГЛОССАРИЙ	354
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	364
УКАЗАТЕЛЬ	390

ПРОЛОГ

СТОЛКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОЛОГИЙ

Я СИЖУ НА ЖЕСТКОЙ ХОЛОДНОЙ СКАМЬЕ, ПРИСЛОНИВШИСЬ СПИНОЙ к бетонной стене помещения для инструктажа одного из полицейских участков Южного Лос-Анджелеса. Это район известен своими бандами, преступностью, нищетой и трущобами. А двадцать лет назад здесь развернулись массовые беспорядки на расовой почве с многочисленными человеческими жертвами. На часах — без четверти пять утра. Последний раз я ела много часов назад. От голода, усталости после перелета и тревожного ожидания меня начинает мутить.

Лейтенант Департамента полиции Лос-Анджелеса Андреа Гроссман начинает инструктаж — она объясняет, каким образом в ближайшие часы группа захвата арестует крупнейшего в США торговца людьми, фигуранта списка самых разыскиваемых преступников Калифорнии. В операции будут задействованы около сорока сотрудников правоохранительных органов — опытных профессионалов из ФБР, Министерства внутренней безопасности, Комитета по преступлениям против детей в интернете (ИСАС), полиции штата Калифорния и ДПЛА. И я — единственный невооруженный человек из присутствующих на инструктаже. Иметь при себе оружие на операции могут только кадровые сотрудники.

В Ирландии, откуда я родом, в это время идут дожди. Затяжная, пасмурная и влажная весна. Я думаю о своем уютном дублинском кабинете с библиотекой и десктопом и безмятежной жизни научного работника. Правда, в последнее время моя жизнь не столь уж и безмятежна. За последнее десятилетие я зарекомендовала себя как специалиста в области судебной киберпсихологии и успела помотаться по миру — знакомилась с коллегами, вела исследования, работала с ор-

ганами правопорядка и выступила с сотнями речей и презентаций на конференциях, семинарах и симпозиумах. Киберпсихология — новая и продолжающаяся развиваться научная специализация, которая с каждым годом привлекает все больший интерес. Я чувствую своевременность рассматриваемой нами проблематики. Думаю, что наряду с ощущением утраты контроля над происходящим это же чувствуют и большинство моих коллег — первопроходцев в этой области знания. Окружающая действительность меняется, а вместе с ней — и поведение человека. Как специалист по киберповедению я считаю, что причина кроется в том, что, взаимодействуя с технологиями, люди ведут себя иначе, чем при контакте с реальной действительностью.

Некоторые перемены происходили столь молниеносно, что было трудно определить различия между сиюминутной модой, продолжающейся эволюцией поведения и тем, что уже закрепились в качестве приемлемой социальной нормы. Чтобы разделить окружающую действительность и киберпространство, в этой книге я буду называть первую «реальная жизнь» или «реальный мир», хотя это и упрощение — на самом деле я прекрасно понимаю, что происходящее в виртуальном мире может быть совершенно реальным. Новые нормы, сложившиеся в интернете, могут перетекать в реальную жизнь. Таким образом, происходящее в виртуальном мире затрагивает реальный, и наоборот.

Каждый раз, когда меня просят рассказать, чем я занимаюсь, я начинаю с формального определения. Киберпсихология «изучает воздействие новых технологий на человеческое поведение». Это касается не только присутствия или отсутствия в онлайн, «кибер» означает отношение ко всему, что связано с информационными технологиями — от гарнитуры Bluetooth до беспилотных автомобилей. Другими словами, я изучаю взаимодействие людей с высокими технологиями и цифровыми медиа, мобильными и сетевыми устройствами, компьютерными играми, виртуальной реальностью, искусственным интеллектом (ИИ), средствами усиления интеллекта (УИ) — всем чем угодно, в диапазоне от сотовых телефонов до киборгов. Но моя работа в основном сконцентрирована на психологии интернета. Если нечто «технологичное» в принципе способно влиять на поведение людей или изменять его, я хочу посмотреть, как это происходит, и понять почему.

Время не на моей стороне. Я работаю в постоянной гонке с развитием технологий. Это сильно усложняет обычные способы науч-

ного изучения явлений. Разве могут ученые работать в том же темпе, каким идут обусловленные технологическим прогрессом перемены в окружающем мире, поведении и обществе? Добросовестное лонгитюдное исследование, рассматривающее человеческое поведение во времени и позволяющее ученому сделать убедительные научные выводы, может потребовать от пары лет до нескольких десятилетий. С точки зрения технологий, это несколько жизненных циклов. А с учетом того, что заметно мне уже сейчас, особенно новые нормы, молниеносно создающиеся в ускоренном процессе социализации (я называю это «киберсоциализация»), я не уверена, что мы можем позволить себе расслаживаться в ожидании ответов.

Положительный момент в том, что некоторые аспекты психологии интернета были изучены в 1990-х и сегодня хорошо известны и задокументированы. Один из примеров – эффект анонимности, или кажущейся анонимности, в сети. Это современный эквивалент супергеройской способности становиться невидимкой. Влияние анонимности, ставшее предметом некоторых интересных междисциплинарных исследований, трудно переоценить. Она подпитывает еще один важный фактор – *сетевую расторможенность*, которая влечет за собой ряд других последствий. Вращаясь в научных кругах дюжины различных специализаций и исследуя явления в диапазоне от киберпреступности до тревожной озабоченности здоровьем из-за постоянного поиска медицинской информации, я раз за разом убеждалась, что человеческое поведение в интернете часто бывает обусловлено и форсировано тем, что я считаю чуть ли не математически предсказуемым повышающим коэффициентом – «киберэффектом», который стал для нашего века тем же, чем формула $E=mc^2$ была для минувшего.

Например, присутствие в сети усиливает альтруизм – то есть в киберпространстве люди могут быть щедрее и великодушнее, чем в реальной действительности. Это явление заметно по невероятному взлету популярности некоммерческого краудфандинга в интернете. Другой известный эффект киберпространства – сетевым знакомым доверяют больше и охотнее делятся с ними информацией. Это ускоряет возникновение дружеских отношений и делает их теснее, но наряду с этим свидетельствует о том, что люди склонны чувствовать себя в безопасности, хотя на самом деле это не так. В силу *эффекта сетевой распределенности* люди могут вести себя смелее, несдержаннее и безрассуднее. Почти как пьяные. Находясь в таком не слишком здравомыслящем состоянии и действуя под покровом анонимности,

люди моментально и без особых проблем находят себе единомышленников, что приводит к другому эффекту — *сетевой синдикации*. В книге я подробно объясняю эти конструкты и «эффекты» киберпространства (они приведены здесь и в словаре терминов), но в целом их можно понять и оценить лишь эмпирически — путем интенсивных экспериментальных исследований, манипулирования переменными и выявления причинно-следственных связей. Но киберпространство — не лаборатория с белыми мышками и рычажками. Речь идет о сложно устроенной матрице данных о человеке, которая проявляется в виртуальных условиях. Она предполагает кропотливые экспертизы происходящего в цифровом мире и тщательное изучение всех деталей киберповедения.

Существует выражение, которое хорошо описывает мою работу — «Бог — в деталях»¹. *Эксперты-криминалисты* исследуют физические улики на месте преступления — ткани, выделения или отпечатки пальцев. Можете вспомнить телесериал «CSI. Место преступления». *Судебные психологи* исследуют оставленные на месте преступления поведенческие улики — по аналогии с «разлетом брызг крови», который исследуют судмедэксперты, это еще называют «разлетом мыслей преступника». А еще есть моя область — *судебная киберпсихология*, которая занимается киберповеденческими уликами или тем, что мне нравится называть «киберследами». Основная предпосылка криминалистики заложена в «принципе обмена», провозглашенном ее великим первопроходцем Эдмоном Локаром, которого еще называют «французским Шерлоком Холмсом»: «Любой контакт оставляет след». (Кстати, на этой книге уж полно отпечатков ваших пальцев.) Это столь же справедливо и для киберпространства. Почти все, чем мы занимаемся в сети, создает цифровой выхлоп, цифровую пыль и цифровые отпечатки. Такие цифровые улики помогают правоохранительным органам расследовать преступления вне зависимости от места их совершения — и в глобальном киберпространстве, и на соседней улице.

Поиски такого рода информации и привели меня в Лос-Анджелес. Я проводила совместное исследование со специализированной

¹ Выражение «Дьявол в деталях» означает, что при решении какой-либо задачи или в каких-то делах ошибки обычно совершаются в мелочах. Обычно она служит предупреждением проявить внимательность и не допустить ошибку. Более старая и распространенная фраза «Бог в деталях» означает, что внимание к мелочам сулит большие выгоды; другими словами, детали имеют значение.

группой Интерпола (крупнейшей международной полицейской организации) на тему рискованного поведения молодежи в интернете и, рассчитывая получить дополнительную информацию, обратилась к лейтенанту Гроссман из ДПЛА. Мы уже знали друг друга — познакомились на конференции, которая проходила в Штаб-квартире Интерпола во французском Лионе. Лейтенант Гроссман и ее деятельность в области киберпреступности производили благоприятное впечатление. Получив ее согласие встретиться и поговорить об исследовании, которое я вела для Интерпола, я отправилась в Калифорнию.

Полицейские обычно с большим недоверием относятся к ученым, покинувшим башню из слоновой кости в надежде раздобыть данные для своих исследований и имея при этом весьма отдаленное представление о том, что происходит у них «на земле». Так что я обрадовалась, когда лейтенант Гроссман спросила, не будет ли мне интересно получить немного практического опыта работы в ДПЛА.

«Ну разумеется», — ответила я, подумав, что речь идет о чем-то вроде стажировки и я буду присутствовать на совещаниях в ее полицейском участке. Но она имела в виду несколько более активную деятельность.

«А как ты отнесешься к тому, чтобы переодеться и выйти с нами на операцию?» — спросила она, после чего объяснила, что личность и местонахождение торговца детским порно были установлены методами киберкриминалистики. Лейтенант Гроссман посчитала, что мне, кабинетному теоретику, это будет интересно.

— Ну... да. Переодеться — в смысле, в спецназовское? А когда?

— Сегодня ночью.

Моя работа подразумевает научную экспертизу поведения в сети — от прогноза развития определенных типов поведения, например *антиобщественного поведения подростков в интернете* (хакерства), до создания типологий различных видов криминального поведения (киберсталкинга). Я изучаю решения на основе машинного интеллекта для обработки больших массивов информации (которые используются, например, для торговли людьми) и решения на основе средств *усиления интеллекта* (УИ), которые применяются для выявления развратных действий в отношении несовершеннолетних в сети. Всем этим непростым вещам я специально училась и знаю, как с ними работать. Но полицейская операция? Группа захвата? Я же почти ничего не знаю про это.

Вечером у себя в гостиничном номере я переделалась во все черное — так, чтобы сливаться с пейзажем, одеваются все эксперты-кри-

миналисты мира. (Действительно, зачем специально распространяться о себе? Одеться в розовое — значит показать себя незащищенной, ярко-желтый тон скажет об оптимизме, а узоры — о желании показаться привлекательной.) В половине четвертого утра я прихватила с собой бутылку воды, спустилась в фойе отеля и сказала на ресепшене, что сейчас за мной приедут из городского полицейского управления.

Дежурный окинул меня скептическим взглядом.

«Я ничего не нарушала. Просто просили проследить за ходом операции», — успокоила я его.

Вот так я оказалась в этот предрассветный час в помещении для инструктажей ДПЛА. В Лос-Анджелесе всегда тепло, по крайней мере мне так говорили, но сейчас на улице неожиданно холодно. К счастью, чтобы утеплиться, у меня теперь есть бронезилет и стальная пуленепробиваемая каска.

«Соппротивление возможно всегда, — инструктирует меня полицейский. — Если кого-то из наших положили, перепрыгиваешь через него. Просто продолжаешь движение вперед. Если тебя положили — лежишь и не встаешь».

Я поглядываю на ориентировку, лежащую у меня на коленях. В ней, помимо прочего, указано, как добраться до ближайших больниц. *Если тебя положили, лежишь и не встаешь...*

Перед лицом неизвестности — и возможной опасности — я заняла позицию, которая очень помогала мне всю жизнь: надейся на лучшее, рассчитывай на худшее. И похоже, что это очень подходящий девиз почти для любого занятия, как в реальной жизни, так и в интернете. Всякий раз, регистрируясь в новой социальной сети, скачивая приложение, делая платеж онлайн, покупая своему ребенку очередной девайс или завязывая отношения на сервисе интернет-знакомств, мы оказываемся перед необходимостью быстрого освоения нового опыта и можем столкнуться с новыми вызовами и рисками. Взбираться вверх по крутой горной тропе, чтобы насладиться захватывающим видом — одно. Спрыгнуть с вершины с парашютом за плечами — совершенно другое. Некоторые риски стоят того. Другие совершенно необязательны. Как отличать одни от других? Вот об этом книга, которую вы держите в руках.

«Погнали!» — объявляет лейтенант Гроссман. Раздается грохот одновременно отодвигаемых стульев. Топот ботинок. Щелканье оружейных затворов. Я тянусь за своей каской и на какое-то мгновение снова, уже далеко не в первый раз этим утром, задаюсь вопросом: «И как только меня сюда занесло?»

ГДЕ Я?

Мы живем в уникальный период истории человечества — возможно, что время столь же интенсивного потока глубоких перемен и прорывных инноваций не повторится никогда. Налицо тектонические сдвиги в образе жизни и мышления, обусловленные стремительным и повсеместным проникновением в повседневность новых технологий, которые меняют привычные способы коммуникации, работы, покупок, общения и почти всего остального. Это напоминает эпоху Просвещения (1650–1800), когда происходил столь же грандиозный сдвиг в сознании, науке и технологиях, сопровождавшийся огромными социальными переменами.

Просвещенность приносит новые свободы. И новые свободы, которые открывает интернет, пьянят, завораживают и манят миллиарды людей. В основе идеологии интернета лежит понятие абсолютной свободы. Но не развращает ли она? Не чревато ли это абсолютной развращенностью? Большая свобода личности означает меньший контроль со стороны общества.

Некоторые перемены выглядели привлекательно и происходили постепенно, а наряду с ними в новые пространства проникали психологические нормы. Люди почти не обращали на них внимания до тех пор, пока в один прекрасный день не замечали младенца в коляске, которому дают вместо погремушки дорогой смартфон, или малыша ясельного возраста, уверенно водящего пухлым пальчиком по сенсорному экрану. Или сбившихся в кучку подростков в торговом центре, которые уткнулись в свои девайсы и вообще не смотрят друг на друга. Все это так близко и вместе с тем так далеко!

Возможно также, что-то задело вас и дома — например, увеличивающаяся отчужденность и напряженность в отношениях или браке из-за того, что партнер часами напролет сидит в компьютере, болтая и флиртуя с новыми знакомыми со всего мира, устраивая марафонские просмотры сериалов в Netflix, с головой погружаясь в онлайн-шопинг или зависая на порносайтах, которых в Сети стало более чем достаточно.

Интернет везде и всюду. Он денно и ночью пребывает в полной готовности предоставить богатую и впечатляющую информацию. В период между 2000 и 2015 годом количество людей, имеющих доступ к интернету, возросло почти семикратно — с 6,5 до 43% мирового населения. В январе 2016 года на Давосском форуме было объяв-